

**М.С.БЕЛЕНЬКИЙ -
ЛЕГЕНДА ТЕАТРА
M. BELENKY AS A
LEGEND OF THEATER**

С. Михоэлс и В. Зускин в спектакле "Путешествие
Венямина Третьего". S. Mikhoels, V. Zuskin, GOSET

М.С. Белецкий среди актеров ГОСЕТа
. M. Belenky. GOSET . מ. בלנק

Еврейский Камерный Театр под рук. С.М. Михоэлса
GOSET. 1930 -1920

ВЕСТНИК ДОМА УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ РЕХОВОТА(ИЗРАИЛЬ)
ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ ЕВРЕЙСКОГО ТЕАТРА

№ 2 (2011 г.)

Почетный председатель общества – старейшая актриса еврейского театра Эльша Безверхняя

Редакционная коллегия: д-р М. Вексельман, Л. Гольцфарб - Лурье, Я. Иовнович

Почта: Iovnovich Rehov Hathiya 25/24 Rehovot Israel 76551 E-mail: my_iov@bezeqint.net

Сайт: www.rehes.org © BEIT HAMADANIM REHOVOT (ISSN-1565-9836, выпуск.17 /2)

ВЫПУСК, ПОСВЯЩЕН 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. БЕЛЕНЬКОГО

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА №2

Вечер, посвященный 100- летию со дня рождения Моисея Соломоновича Беленького (афиша)

1. от редакции сборника " К 100- летию сот дня рождения М.С. Беленького"
2. д-р Макс Вексельман. "Моисей Беленький – философ"
3. писатель Михаил Лев "Моисей Беленький в молодости"
4. Наталья Михозле- Вовен "О Моисее Соломоновиче Беленьком"
5. Нина Михозле "Моисей Соломонович Беленький – педагог"
6. Алта Зускина- Перельман "О Моисее Беленьком и Вениамине Зускине"
7. Нар. арт. России В. Смехов " М.С. Беленький и театральное училище им. Б. Щукина"
8. Этель Ковенская. " Мои первые шаги в студии и театре"
9. Письмо коллег и учеников М.С. Беленького по Театральному Училищу им. Б. Щукина
10. Из беседы о М. Беленьком Ю.П. Любимова и В.А. Этуша
11. Яков Иовнович Пьеса - монолог " Сны Эльши"
12. Соломон Беленький "Я- счастливый человек" (из выступление на вечере 100- летия со дня рождения М.С. Беленького)
13. Александр Баршай "Моисей и Эльша"

Приложение к изданию: компьютерный диск с записью вечера, посвященного памяти М.С. Беленького (работает при наличии компьютерной программы "VLC media player").

Организаторы вечера, посвященного 100- летию со дня рождения М.С. Беленького выражают благодарность всем, приславшим свои воспоминания о нем и участвовавшим в его проведении.

Благодарность П.Е. Любимцеву (Театральный институт им. Б. Щукина), Е. Соловьевой (Театр на Таганке), Е. Гаврилюк (Москва) и Б.Левину (Реховот) , члену муниципалитета города Реховота Е. Заике, начальнику отдела муниципалитета Реховота Б. Берг за помощь в подготовке и проведении вечера, а также д-ру А. Розенштрах за помощь в переводе текста на английский язык.

Ваши отзывы, замечания и предложения будут с благодарностью приняты по адресу, указанному в заголовке этой страницы или по тел.(факсу) +(972) 89455328

Отпечатано в типографии "Яиль", Реховот (Израиль)

© BEIT HAMADANIM, REHOVOT

ISSN – 1565-9836

The honorary president of the society – a senior Jewish Theatre actress Elsha Bezverhniaya
Editorial Board: Dr.M.Vekselman, E.Goltzfarb-Lurie, J.Iovnovich

Address: my_iov@bezeqint.net Mail: Iovnovich, St. Hathiya 25/24, Rehovot, Israel 76551

Sait: : www.rehes.org © BEIT HAMADANIM REHOVOT (ISSN-1565-9836), 17/2

The contents of part N02

1. Billboard
 2. M.Vekselman. "M.Belenky as a philosopher"
 3. M. Lev "M.Belenky in youth"
 4. Nataly Mihoels- Vovsi "Abont M. Belenky"
 5. Nina Mihoels " M.Belenky as a teacher"
 6. A. Zuskina-Perelman "About M.Belenky and B. Zuskin"
 7. V. Smekhov " M.Belenky and the Theatre School Shukin"
 8. E. Kovensky "My first steps at the Mihoels theatre School "
 9. A letter from the Shukin Theatre School
 10. Y. Lubimov and V. Etush "About M.Belenky"
 11. Y.Iovnovich "Dreams Elsha"
 12. S. Belenky " I am a happy man"
 13. A. Barshay " Moisey and Elsha"
- app: Computer disk (works of the program "VLC media player")

We want to express our particular gratitude to everyone who took part in the preparing of our ceremony and sent us his/ her memorials about M.Belenky. We are very thankful to our partners from the Moskow Theater Institute "Boris Shukin", from the Taganka Teater, to Mss. E. Gavriluk (Moskow), Mr. B.Levin (Rehovot), Mr. E. Zaika, the member of the absorption department (the Rehovot municipality).

Not long ago the general theatrical public celebrated the hundred years jubilee of M. Belenky, who was an eminent theater leader, a companion and a friend of the famous Jewish actor, director and theater leader S.Michoels.

On the 16 of December 2010 there was a special Belenky memorial evening in Rehovot

He had become a headmaster of a specialized school belonged to S. Michoels theater and taught hundreds of actors and actresses who performed on stages of many Jewish theaters lately. After a while the Jewish theater had been closed and Belenky was sentenced and exiled. Later on' after Stalin death, he returned back to Moscow and has been working for a long time at the "Boris Shukin" theater school.

Many former students of that school remember their "rabbi" (as they used to call him) till today. He has become a theater legend for a few student generations. He was also a philosopher and wrote several books.

He loved literature that had been written in Yiddish. So he become a translator as well as an editor of works created by Shalom Aleihem, Mendele Moher Sfarim and other writer.

In 1990 M. Belenky with his wife Elsha (actress in the S. Michoels Theater) came to Israel. He died in 1996 and was buried at a cemetery in Rehovot.

Муниципалитет Реховота
Отдел абсорбции
Дом ученых и специалистов
Общество друзей еврейского театра
Под покровительством члена муниципалитета,
ответственного за абсорбцию г-на Ефима ЗАИКИ

16 декабря 2010 года, четверг, 18.30
Реховот, "Бейт Оле" (ул. Биньямин,4, 1 этаж)

ВЕЧЕР,
посвященный
100- летию со дня рождения

МОИСЕЯ СОЛОМОНОВИЧА БЕЛЕНЬКОГО
(1910 - 1996)

В программе:

- воспоминания коллег, друзей и учеников в ГОСЕТе, театральном училище им. Б. Шукина и театре на Таганке
- сцены из спектаклей
- песни на идиш

Идея вечера, сценарий и организация - Яков Иовнович

Режиссер - Алла Вербова

Ведущие : Мария Вербова и Руслан Расторгуев

Участвуют: актриса Татьяна Хазановская
певица Ханита Очаковская

Постановочная группа: Борис Красновский, Михаил Иовнович,
Климентий Левков, Светлана Хейфец

Видеосъемка – Давид Гинцберг

Фотографии, сделанные на вечере – Даниэла Зильберг

Использованы фотографии В. Дертко и фотографии из архива семьи
Беленьких

1. К 100- ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МОИСЕЯ СОЛОМОНОВИЧА БЕЛЕНЬКОГО

Последние годы жизни он жил в Израиле, в Реховоте, в хостеле на улице Горовиц в Кирьят Моше. Мало кто из окружавших его людей, кроме верной супруги Эльши Безверхней, столетний юбилей которой общественность города отметила в марте 2010 года, осознавал ту роль, которую сыграл Моисей Беленький в истории еврейской культуры в Советском Союзе. Будучи руководителем училища при Московском еврейском театре под руководством С. Михоэлса, он подготовил, без преувеличения, сотни актеров не только для самого Московского ГОСЕТа, но и для большинства других еврейских театров страны. Прекрасный педагог, он был одновременно и глубоким философом, замечательным воспитателем, оставившим незабываемый след в сознании своих учеников, а также редактором и автором комментариев к переводам книг классиков еврейской литературы, таких, как Шолом Алейхем, Менделе Мойхер Сфорим, Ицхак Перец и др.

Его безумно любил Михоэлс. В материалах воспоминаний о Михоэлсе есть упоминание о том, что даже будучи усталым после напряженного рабочего дня, уходя на отдых, он просил разбудить его только в случае, если позвонит Моисей Беленький.

Путь Моисея Беленького в Московский ГОСЕТ лежал через белорусское местечко Дубровно, где он родился и учился, на ходу впитывая в себя знания из школьных занятий и книг, которые он читал запоем, сделав домашние задания, которые ему удавалось выполнить буквально за считанные минуты благодаря совершенной памяти и способностям. Затем была учеба в Минске и Москве. Москва ошеломила молодого провинциального юношу. Трудно давалась поначалу жизнь в столичном городе, но способности и старания взяли верх. Уже через три года учебы в столице его личность стала обращать на себя внимание. Он становится известным в культурной среде Москвы. Появились первые публикации по философии, которая прошла через всю его жизнь. Но, безусловно, его подлинной страстью стал театр. Обстоятельства, при которых он оказался в Театре С. Михоэлса были случайными. Он был приглашен в театр для чтения курса по философии. И остался в нем навсегда, став вскоре директором училища. Он был им до последнего дня, когда театр закрыли, а его вскоре арестовали.

Это было страшное время сталинского террора, когда было совершено убийство Михоэлса. Беленький сопровождал тело учителя из Минска в Москву и присутствовал на его вскрытии. Своей жене, Э. Безверхней, актрисе театра, он засвидетельствовал, что никакой

дорожной аварии, которую придумал Сталин, не было. Факты говорили сами за себя: небольшая рана в районе виска опровергала версию дорожной аварии. Арест коллег по театру и членов Еврейского Антифашистского Комитета, компания против "космополитов". Затем последовал его собственный арест. На Лубянке от него требовали одного: свидетельств против коллег по театру и общественной деятельности. Методы ведения следствия были бесчеловечными. Сын М. Беленького Соломон вспоминает, как спустя много лет после выхода из сталинского Гулага, отец во сне кричал "Тону! Тону!". Так, в страшном сне он возвращался к дням пыток, когда в камеру напускали воду, доводя её до уровня, когда подследственный должен был утонуть, а в последний момент воду спускали. Требование было одно: опорочить друзей и коллег, дать показания против них. Но он выстоял, никого не очернив. После этого была пересыльная тюрьма в Куйбышеве и четыре года каторги в Караганде. От изнурительной работы в Гулаге его спасла смерть Сталина.

После возвращения в Москву, М. Беленький пришел в Щукинское училище при театре им. Е. Вахтангова. И здесь нашел он преданных коллег и любимых учеников. К счастью, театр им. Е. Вахтангова по своей манере, был близок к манере игры Московского Еврейского театра под руководством С. Михоэлса. И сегодня, накануне памятной даты 100-летия М. Беленького трепетные воспоминания о своем "ребе", как они его звали, хранят его коллеги и ученики по училищу им. Б. Щукина. Накануне юбилейной даты, они направили письмо, полное любви и верности памяти любимого коллеги, друга и учителя. Своими воспоминаниями об учителе поделился народный артист России В. Смехов. М. Беленький с непоколебимой решительностью отстаивал право на выпуск дипломного спектакля "Добрый человек из Сезуана", поставленным в училище Ю. Любимовым. Боролся он и за признание за молодыми актерами права стать новым театральным коллективом, известным ныне всему миру под названием "Театр на Таганке". Добрые дела остаются в благодарной памяти людей. Недавно в Москве прошла встреча тех, кто помнит М. Беленького и во встрече приняли участие выдающиеся мастера театра: Художественный руководитель Театра на Таганке Ю. Любимов, Художественный руководитель Щукинского Училища В. Этюш.

В 1990 году профессор М. Беленький с семьей репатриировался в Израиль. Здесь он, будучи практически слепым, с помощью своей верной супруги Эльши, издал книгу о Маймониде, завершив серию, в которой кроме книги о Маймониде, труды о Б. Спинозе, У. Акосте. В Реховоте в сентябре 1996 года завершился жизненный путь выдающегося деятеля еврейского театра, философа, литератора,

педагога и редактора Моисея Соломоновича Беленького.

Общественность Реховота при поддержке друзей и учеников М.С. Беленького подготовила вечер, посвященный славной дате, который состоялся 16 декабря 2010 г. в "Бейт Оле" по улице Биньямин, 4.

На вечере звучали слова памяти о М.С. Беленьком, написанные специально для этого вечера Натальей Михоэлс-Вовси, Аллой Зускиной – Перельман, Вениамином Смеховым. Своими воспоминаниями поделилась Нина Михоэлс. С докладом о М.Беленьком выступил д-р М. Вексельман. От муниципалитета Реховота выступил член городского Совета, ответственный за абсорбцию Ефим Заика.

Было зачитано письмо, полное любви и верности памяти любимого коллеги, друга и учителя, которое прислали коллеги и ученики М.С. Беленького. Письмо подписали 31 выпускник училища им. Б. Шукина, среди которых 3 народных артистов СССР, 15 народных артистов России, 10 заслуженных артистов России, профессора. Своими воспоминаниями об учителе поделился народный артист России В. Смехов. Специально для вечера была получена из Театра на Таганке запись беседы выдающихся мастеров театра Художественного Руководителя Театра на Таганке Ю. Любимова и Художественного Руководителя Щукинского Училища В. Этуша. С особой теплотой вспоминают они о М.С. Беленьком.

На вечере звучали любимые песни М. Беленького на идиш в исполнении Ханиты Очаковской, монологи и сцену из спектакля "Блуждающие звезды" (режиссер Нина Михоэлс) исполнила актриса Татьяна Хазановская. Вариацию на тему рассказа Шолом – Алейхема "Яичница" прочитала Галина Задовская. Вечер вели Мария Вербова и Руслан Расторгуев. Большую помощь в организации вечера оказал муниципалитет города Реховота.

2. Моисей Беленький – философ д-р Макс Вексельман

В этом году, в эти дни мы отмечаем столетие со дня рождения Моисея Соломоновича Беленького. Он более известен как соратник С. Михоэлса, руководитель театрального училища при Московском ГОСЕТе, педагог. О нём как философе пишут редко.

Моисей Беленький родился в 1910 году в г. Дубровно в семье лесничего Залмана-Соломона Беленького. Он учился в обычной русской школе, но, кроме того, с ним занимался на дому ивритом и Торой местный раввин. Ещё в Дубровно юноша увлёкся еврейской

философией, в частности, Спинозой. Это увлечение стало впоследствии делом всей жизни.

После окончания школы в 1927 году. Моисей поступил в Минский еврейский педагогический техникум и проучился там 2 года. В 1929 году. М. Беленький уехал в Москву и поступил во 2-й Московский университет на еврейский филологический факультет. Декан факультета профессор Хейликман рекомендовал способного любознательного студента Беленького на преподавательскую работу в Коммунистический университет Запада. Там он преподавал и в 1933 году получил должность доцента на кафедре философии. Здесь он проработал до закрытия университета в 1939 году.

В 1930 году Моисей Беленький, будучи студентом 2 курса университета, был направлен преподавать философию в еврейское театральное училище при Московском ГОСЕТе и остался там после окончания в 1932 году еврейского филологического факультета. Вскоре он был назначен завучем, а затем и директором училища. Наряду с преподаванием философии и руководством Еврейским театральным училищем Беленький занимался издательской и научной работой. В 1941 году в издательстве «Дер Эмэс» («Правда»), где он в то время был главным редактором, вышла его первая книга «Акоста, Спиноза, Маймон».

В конце 40 –х годов в СССР укрепился государственный антисемитизм, усилились гонения на еврейскую культуру. В ночь на 13 января 1948 года по приказу Сталина был убит художественный руководитель Московского ГОСЕТа, председатель ЕАК Соломон Михоэлс. С сентября по декабрь 1948 года были арестованы видные деятели еврейской культуры – поэты, писатели, артисты, члены ЕАК. 23 января 1949 года был арестован М. Беленький, который просидел год в одиночной

камере Лефортова. В 1950 году он был осуждён на 10 лет без права переписки. Отправили в лагерь в Караганду, где он трудился в угольной шахте маркшейдером. Выжить там ему помогли заключённые и вольнонаемные работники лагеря. Находясь в лагере, он написал пьесу «Спиноза» на клочках бумаги и с помощью вольнонаёмных рабочих шахты переслал её жене, Эльше Безверхней. Эльша переправила пьесу в Польшу, где она была впоследствии опубликована.

После смерти Сталина М. Беленького реабилитировали. В июне 1954 года он вернулся в Москву. Он был направлен в Щукинское театральное училище на должность преподавателя философии. В 1956 году Беленький защитил в МГУ кандидатскую диссертацию о Спинозе. Он стал читать лекции и в университете, в частности спецкурсы «Атеизм Спинозы» и по философии иудаизма. В 1958 году ему присвоили звание профессора и он был назначен заведующим кафедрой философии Щукинского театрального училища. Здесь Моисей Соломонович проработал до выхода на пенсию в 1977 году.

После возвращения из заключения в Москву Моисей Беленький продолжил научную работу по истории философии иудаизма. Результаты его исследований отражены в ряде книг: «Спиноза», серия «ЖЗЛ», М., 1964; «Иудаизм», М., 1966; «Очерк истории и мировоззрения Талмуда и современный иудаизм», М., «Наука», 1967; «Трагедия Уриэля Акосты», М., 1968; «Что такое Талмуд», М., «Наука» (2е изд.), 1970; «Спиноза о религии, Боге и Библии». М., 1974 (переведено на румынский в 1982 году и на болгарский в 1985); «Вольнодумец Акоста», М., «Мысль» 1984

В 1990 году М. Беленький с женой Эльшей Безверхней репатриировались в Израиль. Здесь он ослеп, но некоторое время выступал с лекциями

ями по истории философии и иудаизма, продиктовал жене книгу «Философия Маймонида» и издал её в 1993 году.

3. МОИСЕЙ БЕЛЕНЬКИЙ В МОЛОДОСТИ

Писатель Михаил Лев

"В 1936 году Соломон Михайлович Михоэлс направил Беленького на встречу с писателем Исааком Бабелем в кафе. Увидев Беленького, Бабель сказал на идиш "И этот мальчишка, он директор театра?". В конце встречи, Бабель сказал ;"Я снимаю свой вопрос. Он давно мог быть директором театра" Беленький был уникальным человеком. В конце 50-х годов казалось, что в Москве откроется еврейский театр. Художественным руководителем называли блестящего драматурга, режиссера Якова Штернберга, художником – Александра Тышлера, еще был жив Кульбак. Искали пьесу для первого спектакля. И тогда Беленький предложил свою пьесу "Спиноза", написанную в Карагандинском лагере и пересланном из лагеря жене Эльше с соблюдением всех мер предосторожности. Яков Штернберг переработал пьесу. Но театр не состоялся. Текст пьесы находится сейчас в Америке как часть моего архива, О Беленьком можно говорить много. Он был одним из самых молодых кандидатов наук в Москве. Будучи на третьем курсе Университета он читал лекции студентам-вечерникам. Он преподавал в институте имени Мархлевского на факультете, где преподавание велось на идиш. Среди его студентов был разведчик номер 1 всех времен и народов Леонид Трепер, создавший самую эффективную разведывательную сеть в мире. В гестапо её именовали "Красная капелла". Считается, что данные, полученные от Леопольда Трепера, повлияли на исход основных сражений с Германией, в частности, на исход Сталинградской битвы. Студентом Беленького был и командир полка, освобождавший концентрационный лагерь Сабимбор, Елизаветинский. Когда мы встретились с ним после войны, он спросил меня : "Где я могу встретить своего учителя ?" "А кто он?";- переспросил я. И он пояснил: "Беленький" Беленький был прекрасным педагогом, блестящим редактором и организатором издательской деятельности. Он руководил издательством "Дер Эмес". Как-то мы собрались впятером: Эммануил Казакевич, Нахум Левин, Беленький, Раскин и я. Выпили и в ходе разговора под выпивку возник спор: чья жена красивее – Сара, жена Нахума Левина или Эльша, жена Беленького. В результате Нахум поднял руки и сказал: "Моисей! С твоей Эльшей никто сравниться не может".

4. О МОИСЕЕ СОЛОМОНОВИЧЕ БЕЛЕНЬКОМ

Наталья Михозлс - Вовси

Михаил Соломонович Беленький был очень неравнодушным человеком. От него всегда шло тепло. Тепло расположенного к собеседнику человека. В первую очередь, он чувствовал себя евреем, а самая характерная черта еврейского характера, как известно, это неравнодушие. Это все знали и чувствовали. Он принимал деятельное участие во всем, что касалось деятельности театра, Участвовал во всём сердцем и чувствами.

Я его очень любила и знала, что могу всегда обратиться к нему в случае возникновения любой проблемы, которая могла возникнуть. Он всегда находил ответ, внутренне участвуя в разборе обсуждаемого вопроса. И это очень привлекало в нем. Я не была с ним в социальном контакте, но всегда ощущала его присутствие, о какой бы деятельности ни шла речь: мероприятия, связанных с папой, театром или относящейся к теме еврейства. Он всегда присоединялся к действию и всегда был готов помочь.

После закрытия Московского ГОСЕТа он приходил к нам в дом, особенно, в день гибели отца, 13 января. Каждый год, кроме четырех лет его ссылки в Караганду, этот вечер он делил с нами. 13 января у нас бывали многие деятели московской интеллигенции, к примеру, Л. Утесов, И. Андроников. Особенно приятным было участие в этих вечерах соратников и учеников отца по театру и общественной работе. Двери нашего дома на Тверском бульваре, 12 (рядом со зданием ТАСС) было открыто для всех, кто считал своим долгом почтить память Соломона Михайловича Михозлса.

Можно предположить, что бдительное око работников Госбезопасности внимательно следило за происходящим в доме, хотя, собственно говоря, ничего предосудительного не в эти вечера не говорилось. Люди вспоминали добрым словом Соломона Михайловича, то, что он сделал для людей.

Это было очень по-домашнему, очень по-еврейски. Ведь одна из национальных черт, характерных для еврейской традиции: собираться в очередную годовщину смерти человека и вспоминать его добрым словом, рассказывая о том хорошем, что он сделал в своей земной жизни. Нужно отдать должное смелости тех, кто приходит, ибо сам факт их прихода говорил сам за себя, особенно, в годы сталинского правления.

И после смерти Сталина эти вечера продолжались вплоть до нашего отъезда в Израиль. Моисей Соломонович Беленький был одним из постоянных участников таких вечеров.

Известно, что отец очень любил его. Приходя домой после напряженного дня, он, бывало, говорил, что его нет ни для кого, кроме Моисея Беленького. Он был необходим очень и очень многим. Таким он и остался в памяти на долгие годы.

5. МОИСЕЙ СОЛОМОНОВИЧ БЕЛЕНЬКИЙ – ПЕДАГОГ

Нина Михозлс

Моисей Соломонович Беленький был поразительным человеком. Он не был старшим, никогда не поучал, считал, что каждый человек, и, в частности, ученик имеет право на свою точку зрения. Он никого никогда не унижал. Быть вызванным к нему было счастьем. Он пригласил меня к себе на беседу с целью передать желание моего отца, чтобы я поступала в училище при ГОСЕТе. Вступительные экзамены должны были состояться через неделю. Шел 1945 год. Среди поступающих большинство были девушки. Откуда тогда могли взяться абитуриенты – юноши? Многие из претендентов были из Прибалтики. Одна половина из поступающих не понимала других, ибо одни говорили только на русском, а другая половина знала идиш, а русский не понимала. Но было ясно, что требуется время для взаимного понимания. Была задорность, желание состояться. Я благодарна Моисею Соломоновичу. Я не знала идиш, хотя и понимала (ведь дома, в школе, на улице говорили на русском). А экзамен должен был состояться через несколько дней. Возраст – это чудное дело. Он может помочь достичь многого. Экзамен проходил так: вас гоняли по сцене под музыку (от Малера к Чайковскому) 45 минут. Вы должны были все это осознать и отобразить. Потом валишься куда-нибудь в угол в изнеможении. Меня взяли на второй курс.

До училища ГОСЕТа я проучилась три курса на театроведческом в ГИТИСе. Однажды на Тверском бульваре меня встретил проф. Дживилегов, который читал у нас лекции и просил передать привет папе. Когда я передала привет папе, он удивился тому, откуда я знаю Дживилегова и еще больше тому, что я учусь на третьем курсе ГИТИСа. Ему казалось, что я еще учусь в школе. Узнав такую новость, папа снял кепку и сказал "Как же я состарился"...

У папы была особенная близость с Моисеем Соломоновичем. Им не нужно было говорить. Они молча понимали друг друга. Я приведу пример такого понимания людей. Однажды днем к нам в дом к папе пришли вернувшийся из-за границы в 1937 г. известный художник Роберт Фальк (как сказал про него папа "нашел, когда вернуться") и режиссер Юрий Завадский. Это были люди особой категории. Как говорится в гоголевском "Ревизоре" "Добрый господин на улице не валяется". За два с половиной часа "беседы" они не произнесли ни слова. Все это время я приносила им чай и кофе. Уходя Фальк сказал: "Соломон, я благодарю тебя за интересную беседу". Это был тот случай, когда трое могут позволить себе сидя вместе думать без опаски без слов. Вот такая способность совместного мышления была у папы и Моисея Соломоновича. Это был союз абсолютного доверия...

6. О МОИСЕЕ БЕЛЕНЬКОМ И ВЕНИАМИНЕ ЗУСКИНЕ

Алла Зускина-Перельман

Говорить о Моисее Беленьком — для меня это в какой-то степени говорить и о моих родителях, и о себе. Беленький и его жена Эльша Безверхняя часто у нас бывали — иногда с детьми, но обычно вдвоем, а порой и каждый сам по себе.

Как и мои родители, Вениамин Зускин и Эда Берковская, Эльша была актрисой ГОСЕТа. Она и моя мама были близкими подругами. Беленького с моим отцом связывало нечто большее, чем просто дружба — истинное взаимоуважение, общая для обоих проникнутость еврейским духом, постоянная потребность общаться. Моисей Беленький, бессменный директор Еврейского театрального училища, также преподавал там философию, и отец заслушивался его рассказами о еврейских философах или исторических событиях, а Моисей не мог

оторваться от образов детства и юности своего собеседника, его мыслей о пути театра, о работе над новыми ролями, о том, что обязаны знать и уметь молодые актеры.

С начала 30-х годов Беленький всячески уговаривал Зускина присоединиться к числу преподавателей училища, но Зускин, хоть и уверенный в необходимости обеспечить театру продолжение, не чувствовал себя готовым. Наконец, в 1936, сдавшись натиску Беленького, Зускин начал преподавать актёрское мастерство и руководить собственным курсом. Так они стали еще и коллегами.

Их объединяла и любовь к Шолом-Алейхему. По просьбе Беленького Зускин написал статью "Мой Шолом-Алейхем", которую Беленький сначала подготовил к публикации на идиш, а впоследствии перевел с идиш на русский и включил в выпущенный им сборник статей об этом большом еврейском писателе.

После убийства Михоэlsa в январе 1948 Зускин стал худруком ГОСЕТа. Время было трудное, и именно с Беленьким он делился сомнениями и тревогами, страхами перед будущим, которого, как оба они знали, уже не будет. Как-то, затравленный, мучимый дурными предчувствиями, отец позвал к себе Беленького, и много лет спустя тот рассказал: "Мы просидели целый вечер, говорили — не говорили. Молчали скорее, чем говорили". Это была их последняя встреча.

В декабре 1948 арестовали Зускина; чуть позже — Беленького, на котором висели сразу три "греха": директор Еврейского училища, главный редактор Еврейского издательства «Дер Эмес» и активный сотрудник Еврейского антифашистского комитета. Зускин, как известно, был расстрелян 12 августа 1952; Беленький, к счастью, из

ГУЛАГа вернулся. На первый после возвращения пасхальный Седер

он пригласил нас с мамой. При моем советском воспитании, из-за которого я очень мало знала о еврейских праздниках, это был первый Седер в моей жизни. Потом, по моей просьбе, Беленький стал учить меня языку идиш. Среди моих книг до сих пор хранится подаренный им букварь на этом языке.

А в душе я до сих пор храню "двойной образ": Беленький и Зускин сидят в углу комнаты, освещенном только настольной лампой, и увлеченно спорят о чем-то, так или иначе связанном с еврейством, которому каждый из них так преданно служил.

Отдавая дань памяти деятелей советской еврейской культуры, чаще всего поминают Михоэlsa, иногда Зускина. Но мы обязаны свято чтить память и выдающихся писателей и поэтов, и театра — со всеми его актерами, художниками, музыкантами, с его Училищем — и, безусловно, мы обязаны свято чтить память хранителя и продолжателя интеллектуальной жизни нашего народа, Моисея Беленького.

7.М. С. БЕЛЕНЬКИЙ И ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ им. Б. ЩУКИНА

Народный артист России Вениамин Смехов

Все ученики-вахтанговцы, учившиеся в театральном училище им. Б. Щукина в годы хрущевской оттепели и позже, те, кто стали известными актерами, и те, кому меньше повезло, встречаясь между собой, обычно вспоминали обычно всего несколько имен учителей, самых лучших, любимых, оставивших незабываемый след в их памяти. Несомненно, одно из этих имен — Моисей Соломонович Беленький, или как его за глаза называли студенты "Моисей" За формальной вывеской "заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии" нашего училища скрывался тот человек, про которого гениальный Соломон Михоэлс говорил, возвращаясь после тяжелого напряженного рабочего дня: "Меня нет ни для кого, кроме Беленького". Пристрастие к нему имел не только Михоэлс, но и Зускин, и многие из тех, с кем он был связан по работе, как руководитель школы (училища) при Московском ГОСЕТе.

Активнейший человек, мыслитель, философ, знаток еврейской истории и литературы, легко вписывавшийся в контекст русской литературы, он был душевным собеседником. С ним можно было говорить на любые темы, в частности, об именах, только разрешенных к публикации в хрущевские времена, как то: Есенин, Мейерхольд и тот же Михоэлс.

Любимец студентов, он был неперменным участником наших студенческих праздников, вечеров, и, пользуясь тем, что он с другой кафедры, старался всячески поддержать нас во время дипломных

спектаклей, проходивших в училище. Он был "свой парень" среди людей отцовского поколения.

Когда время изменилось и смутным оказалось все то, что связано с идеологией, его философское начало оказалось, как никогда, кстати в то неопределенное время. Помнится, как мой отец (ровесник М.С. Беленького), узнав о наших контактах с ним, был очень польщен этими контактами, считая М.С. Беленького лучшим специалистом по философии Б. Спинозы. Несмотря на то, что они были ровесники, мой отец смотрел на М. С. Беленького в качестве философа как бы "снизу вверх"

Приятно вспомнить и то, как мы с женой Г. Аксеновой, еще в те далекие времена, гостили в гостеприимном доме Моисея Соломоновича Беленького и его прелестной супруги Эльши Моисеевны Безверхней в их квартире на улице Чехова. На многие годы сохранился у нас пода – рок, полученный из рук Моисея Соломоновича – томик из собрания сочинений писателя Шолом Алейхема, редактором которого он был.

Для молодого поколения , наслаждающегося сейчас искусством актеров, учившихся мастерству в Щукинском Училище, важно знать, что фундамент этого мастерства закладывали не только известные деятели сцены, такие, как Ульянов, Любимов, Шлезингер, но и невидимые мастера, оказавшие огромное влияние на творческое развитие своих учеников. Одним из них, безусловно, был Моисей Соломонович Беленький, 100- летний юбилей которого мы отмечаем в эти дни...

8. МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В СТУДИИ И ТЕАТРЕ

Этель Ковенская

Когда я впервые в юном возрасте переступила порог студии при ГОСЕТе, я сразу же ощутила обаяние личности Моисея Соломоновича Беленького и его педагогического таланта. У него не было шаблонов в подходе к ученикам и к каждому из них он находил ту удобную для ученика форму взаимоотношений, которая позволяла последнему раскрыть его творческие возможности в наибольшей степени. Он рекомендовал меня, учившуюся в студии на главную роль в спектакле театра "Блуждающие звезды". Это был небывалый случай, чтобы недавно поступивший в студию без всякого опыта получил роль в программном спектакле самого театра. Для этого необходима была смелость выбора, уверенность в правильности этого выбора и талант педагога. Его помощь в подготовке к сдаче экзаменов трудно переоценить.

Черты его внешности были чрезвычайно выразительны, я до сих пор ощущаю их. И если бы я была художником, то, без сомнения, смогла бы передать все оттенки его незабываемого образа.

Федеральное агентство по культуре и кинематографии

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЕАТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ имени БОРИСА ЩУКИНА
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ имени ЕВГ. ВАХТАНГОВА»

Моисей Соломонович Беленький.

Он появился в училище в 1956 году, вернувшись из Карагандинских лагерей, где строил шахты не по собственной воле. Он излучал энергию и радость жизни. И мудрость, не назидательную мудрость. И студентам казалось (а может, и не казалось), что они действительно понимают глубокие философские умозаключения, которые Беленький им излагал.

Редко когда «властителем дум» в театральной школе становится преподаватель философии, а Моисей Соломонович им был. Его мнением о показанной актерской работе интересовались, его присутствия в зале жаждали.

Он всегда защищал студентов со всей страстью своего могучего темперамента, защищал их право мыслить свободно и заниматься творчеством. Иногда ему приходилось защищать их от самоуправства властей, и в отместку в одной из центральных газет появился фельетон под названием «*Моисей Соломонович сомневается*». В советские времена это было небезопасно, - фельетон мог быть предвестием всяких бед. А он не боялся. Или не позволял себе бояться? Не унижался до страха?

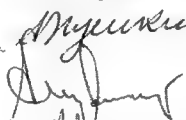
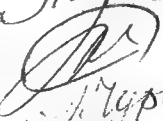
Работая директором еврейского театрального училища ГОСЕТ-а, Беленький прошёл творческую школу Михоэли и Зускина. Он чувствовал театр. И его мнение было интересно театру Вахтангова, в художественном совете которого он состоял как представитель Училища им. Щукина.

Он знал историю и литературу, философию и этику, он знал всё, остальное принимал. «Его» история и литература были наполнены не лозунгами и структурами, а живыми людьми из плоти и крови, «его» философия и этика рождали не только мысли и идеи - мировоззрение, но и человеческие чувства - мироощущение.

Его любили в училище все (ну, не все, некоторые его ненавидели, но не было человека, который был в состоянии проявлять к нему равнодушие). Его мнение можно было не разделять, с ним не соглашаться, но нельзя было его игнорировать.

Когда Моисей Соломонович пришёл в училище, ему было 46 лет, т.е. он был достаточно молод, моложе нас теперешних, но воспринимали его Наставником, Мудрецом, Учителем - **Ребе**. Так звали его «за глаза», а некоторые и в глаза. Память о нём жива в нас, в наших сердцах, а для тех, кто уже не застал Беленького в Школе, - он Легенда. Одна из легенд Театрального училища им. Б.В. Щукина «золотого периода» его истории.

Выпускники Театрального училища им. Шуккина:

В.А. Этуш		— выпуск 1945 года
Н.И. Калинина	Калинина	— выпуск 1950 года
А. В. Пупкина	Пупкина	— выпуск 1953 года
А.А. Ширвиндт		— выпуск 1956 года
Л.С. Каневский	Каневский	— выпуск 1960 года
Н.М. Холина	Холкина Н.	— выпуск 1960 года
А.В. Збруев	А. Збруев	— выпуск 1961 года
Л.В. Максакова	Максакова	— выпуск 1961 года
В.Б. Смехов	Смехов	— выпуск 1961 года
В.В. Ленко	В. Ленко	— выпуск 1962 года
В.К. Бабятинский		— выпуск 1963 года
Л.А. Чурсина	Чурсина	— выпуск 1963 года
А.С. Демидова	А.С. Демидова	— выпуск 1964 года
А.Г. Кузнецов	А.Г. Кузнецов	— выпуск 1964 года
М.В. Полицеймако	М.В. Полицеймако	— выпуск 1964 года
А.А. Калягин	А.А. Калягин	— выпуск 1965 года
В.Г. Захаров	В.Г. Захаров	— выпуск 1965 года
В.В. Зозулин	Низкий поклон М.С. за уроки мудрости и искусства. Ваш Шуккин-восторженец В.В. Зозулин	— выпуск 1966 года
Е.Ю. Стеблов	Е.Ю. Стеблов	— выпуск 1966 года
А.Ш. Пороховицкий	А.Ш. Пороховицкий	— выпуск 1966 года

А.А. Вертинская

— выпуск 1967 года

А.М. Вилькин

— выпуск 1968 года

А.П. Павлов

— выпуск 1968 года

В.А. Качан

— выпуск 1969 года

Б.С. Галкин

— выпуск 1969 года

Л.В. Зайцева

— выпуск 1970 года

К.А. Райкин

— выпуск 1971 года

Н.В. Варлей

— выпуск 1971 года

В.В. Фокин

— выпуск 1971 года

В.П. Поглазов

— выпуск 1971 года

Л. Г. Трушкин

— выпуск 1973 года

9.Послание подписали друзья и ученики М.С. Беленького:

- Народный артист СССР, художественный руководитель училища им. Б. Щукина, директор Московского Дома актера, профессор Владимир Этуш- выпуск училища 1945 г
 - заслуженный деятель искусств Российской Федерации, профессор Щукинского Училища Наталья Калинина – выпуск училища 1950 г.
 - профессор Щукинского Училища Ада Пушкина – выпуск 1953 г
 - народный артист Российской федерации, художественный руководитель Театра Сатиры, профессор Александр Ширвиндт, выпуск 1956 г.
 - заслуженный артист Российской Федерации, актер театра "Гешер" Леонид Каневский, выпуск 1960 г.,
 - доцент Щукинского Училища Наталья Холина – выпуск 1960 г.
 - народный артист Российской Федерации, актер Театра Ленинского Комсомола Александр Збруев, выпуск 1961 г.
 - народная артистка Российской Федерации, актриса театра им. Е. Вахтангова Людмила Максакова, выпуск 1961 г,
 - народный артист Российской Федерации Вениамин Смехов, выпуск 1961 г,
 - заслуженная артистка Российской Федерации, актриса Малого Театра Виктория Лепко, выпуск 1962 г.,
 - народный артист Российской Федерации, актер Малого Театра Валерий Бабятинский, выпуск 1963 г,
 - народная артистка СССР Людмила Чурсина, выпуск 1963 г,
 - народная артистка СССР, актриса Театра на Таганке Алла Демидова, выпуск 1964 г.,,
 - заслуженный артист Российской Федерации, профессор Щукинского Училища Алексей Кузнецов, выпуск 1964 г.,
 - заслуженная артистка Российской Федерации, актриса Театра на Таганке Мария Полицеймако, выпуск 1964 г.,
 - народный артист Российской федерации, Председатель Союза Театральных Деятелей Российской Федерации(Всероссийского Театрального Общества), художественный руководитель театра "Этсетера" Александр Калягин, выпуск 1965 г.,
 - заслуженный артист Российской Федерации, актер театра "Этсетера" Вячеслав Захаров, выпуск 1965 г.,
 - народный артист Российской Федерации, актер Театра им. Евгения Вахтангова Виктор Зазулин, выпуск 1966 г,
- Рядом с подписью Виктора Зозулина стоят написанные им слова:
"Низкий поклон "МС" за уроки мудрости жизни и искусства"
- народный артист Российской Федерации, актер Театра им. Моссовета Евгений Стеблов, выпуск 1966 г.

М. С. Беленький и Э.М. Безверхняя в разные периоды жизни
E. Bezverkhny, M. Belenky א. בזורחני, מ. בלנקי

Э.М.Безверхняя в день 101 – летия. 7.02.11
E. Bezverkhny . 07.02.11 א. בזורחני

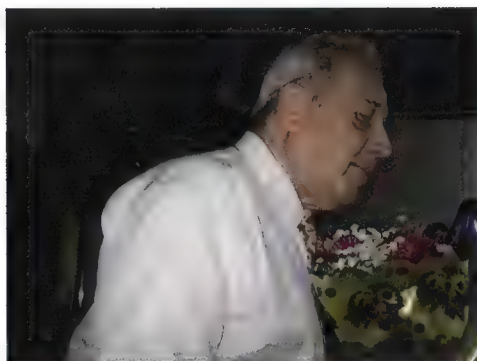

В зале. 16.12.10
באולם. 16.12.10. Rehovot

Э. Безверхняя и С. Бельский. 16.12.10

T. Bezverkhny, S. Belenky .16.12.10. א. בזורחני, ס. בלנקי.

С. Бельский 16.12.10

S. Belenky .16.12.10. סולומון בלנקי.

М.С. Бельный (1910 – 1996)
M. Belenky . מ. בלנקי.

На вечере 16.12.10
Rehovot . 16.12.10 הערב

Актриса Т. Хазановская. на вечере 16.12.10
T. Khazanovsky . 16.12.10 . שחקנית ט. חזנובסקי.

Нина Михозлс на вечере 16.12.10
N. Mihoels . 16.12.10 . נינה מיכואלס.

Э.Безверхняя в день 100-летия. 07.02.10

T. Bezverkhny, S. Belenky 07.02.10 א. בזורחני, ס. בלנקי

С сыном Соломоном. 7.02.10

Э.Безверхняя на сцене ГОСЕТа

.E. Bezverkhny. GOSET א. בזורחני

Э.Безверхняя на своем юбилее. 16.03.10

E. Bezverkhny 16.03.10 א. בזורחני

- народный артист Российской Федерации, актер Театра на Таганке Александр Пороховщиков (ударение на последнем О), выпуск 1966 г.,
- народная артистка Российской Федерации Анастасия Вертинская, выпуск 1967 г.,
- народный артист Российской Федерации, художественный руководитель Московского театрального центра "Вишневый сад", профессор Училища им. Щукина Александр Вилькин, выпуск 1968 г.,
- заслуженный артист Российской Федерации Алексей Павлов, выпуск 1968 г.,
- народный артист Российской Федерации Владимир Качан, выпуск 1969 г.,
- заслуженный артист Российской Федерации, Президент Гильдии актеров России Борис Галкин, выпуск 1969 г.,
- народная артистка Российской Федерации Людмила Зайцева, выпуск 1970
- народный артист Российской Федерации, художественный Руководитель Театра "Сатирикон" им. Аркадия Райкина, профессор Константин Райкин, выпуск 1971 г.,
- заслуженная артистка Российской Федерации Наталья Варлей, выпуск 1971 г.,
- народный артист Российской Федерации, Художественный Руководитель Творческого Центра им. Всеволода Мейерхольда, профессор Училища им. Щукина Валерий Фокин, выпуск 1971 г.,
- заслуженный деятель искусств Российской Федерации, профессор Училища им. Щукина Владимир Поглазов, выпуск 1971 г.,
- режиссер, художественный Руководитель частного Театра Антона Чехова Леонид Трушкин, выпуск 1973 г.

10. ИЗ БЕСЕДЫ О МОИСЕЕ БЕЛЕНЬКОМ **ХУДОЖЕСТВЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ** **Ю.ЛЮБИМОВА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ** **ТЕАТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА им. Б. ЩУКИНА В. ЭТУША**

Ю. Любимов: ...Мойсей Соломонович Беленький старался в сложной ситуации быть порядочным, не делать всяких фигур.

В. Этуш: И ему это удавалось.

Ю. Любимов: ...И я рад, что мы можем сегодня говорить это его жене, Эльше Моисеевне. Когда я буду в Израиле, я обязательно позвоню ей и с удовольствием поговорю о её замечательном муже.

В. Этуш: Эльша Моисеевна не зря была женой Моисея Соломоновича. Она сама замечательный человек, как и Моисей Соломонович, честный, очень образованный, что у нас не часто встречается при наличии формального образования. Имел большой авторитет.

Ю. Любимов: Мы помним его с большой теплотой. Когда меня собачили два парткома (вахтанговский и училища) за "Доброго человека из Сезуана", кафедра раскололась. И благодаря его твердой позиции, его усилиям спектакль пропустили. Он сказал, что спектакль хороший и его надо пропускать. А некоторые заколебались, замучили всякими замечаниями: убрать зонги, поставить на сцену реальное дерево... Я им ответил, что могу туда муравьев напустить для натурализации полной, для соцреализма. Как когда-то Чехов говорил Станиславскому: "Тут корыто, вода... А головастики не пробовали там развести? Актеры сядут вокруг корыта, будут смотреть, как они плавают, а Вы будете естественно говорить мой текст".

В. Этуш: К.С. Станиславский верил в свою теорию, в систему...

Ю. Любимов: В искусстве системы быть не может. Бывает мастер и ученики. Станиславский имел свой метод, Мейерхольд – свой метод. И другие каноны... Товарищу Сталину была выгодна "система". Только по этой "системе". Если кто-то отклонился, это уже нехорошо. Как только это стали делать, даже талантливый Кедров, всё обернулось скверно...

В. Этуш: А, помнишь, мы с тобой сидели на семинаре по "системе"?

Ю. Любимов: Да, все разбежались. Только мы вдвоем остались: Кедров и я. Когда я ставил "Живого" и Б. Можая забрал у них своего "Живого", принес к нам, Кедров сказал про меня: "Он мой ученик. К нему? Он может..."

В. Этуш: Мы оба с тобой были в какой-то степени учениками Моисея Соломоновича Беленького. его Идеологии, его Веры, Правды, которую он пропагандировал.

Ю. Любимов: Только она не была советской. Она была общечеловеческой...

11. ПЬЕСА - МОНОЛОГ "СНЫ ЭЛЬШИ"

автор – Яков Иовнович

(отрывки из пьесы "Сны Эльши" исполнила на вечере актриса Татьяна Хозановская)

... Уже поздний вечер. Никто не ходит по коридору. Моя напарница спит. Кончился еще один день. скучный, однообразный. Одно и то же с самого утра и до позднего вечера. Весь день я жду этого часа, жду ночи, когда замирает все вокруг и я могу войти в мир своего прошлого. Каждый раз кто-то приходит оттуда, просится в мое сознание, ведет со мной разговор. Кто же придет сегодня? Нежели никто не посетит меня? Никого... Что ж, придется начинать самой...

Винница, Парк с озером... 1929 г. Я на каникулах дома у мамы. Первый год учебы позади. Как хорошо возвращаться домой. Этот знакомый запах дома., о котором думаешь все время пребывания вдалеке от него. Я намечаю себе план развлечений. Сегодня иду в парк – там озеро и можно покататься на лодке. И вот я там, на веслах плоскодонки. А на причале- странный, почти уродливый человек невысокого роста под руку с красавицей- блондинкой. И его глаза - пронзительные, повелевающие, притягательные... Парочка берет на станции лодку, а я вижу, что ни он, ни она не знают, как с ней управляться. Я спросила: "Наверное. Вы хотите покататься? Я вам помогу". Я показала им, как грести и

подтолкнула лодку к глубокой воде...

Я потом долго не могла забыть этого человека, все время задавалась вопросом, кто он? А вечером мои друзья сообщили, что в Винницу приехал еврейский театр под руководством Соломона Михоэлса.

Я помчалась в театральную кассу и потратила всю свою стипендию на билеты на все спектакли. Их было пять. Я была в восторге, впервые увидев настоящий театр. А тут объявили набор в училище, которое будет работать в Москве с осени... Меня несло туда, на экзамены вопреки всем разумным доводам, ведь я уже училась в Киеве и перешла на второй курс... И вот я на экзамене. Подходит моя очередь. Я еле-еле поднялась с места. Подхожу к столу и – Боже мой- кого я вижу? Моего "клиента" с лодочной станции. Он меня узнал "О-о , старая знакомая, Ты тоже хочешь быть артисткой? Что Ты приготовила сегодня ?

Я читала прозу, стихи Переца Маркиша

Потом я спела романс на музыку "Колыбельной" Шопена (звучит музыка)

А потом Михоэлс сказал "Подвигаемся". Я приготовилась к танцу- была – не была., но Михоэлс остановил: "Пожалуй, не надо".... Мне показалось, что я провалилась. В страшнейшем настроении я забилась в угол. Вышел помреж и объявил, что в этот день результаты оглашены не будут, конкурс продолжится на следующий день. Я стараюсь уйти незаметно, крадучись. И вдруг чувствую чью-то руку на плече: "Что с тобой, девочка?". Человек в элегантном костюме посмотрел на меня. "Я, наверное, провалилась...". " Не горюй, ты принята. Не волнуйся, мы еще будем работать на одной сцене...

Это был Вениамин Зускин.

... Вениамин Львович. Я рада вспоминать те мгновения, которые оказались самыми счастливыми в моей жизни. Это Вы принесли мне сознание тех перемен, которые определили всю мою жизнь. И потом, каждый выход на сцену с Вашим участием был для меня продолжением того праздника

Вы были сердцем нашего театра. Ведь именно сердце наполняет силой все живое тело, разнося по нему несущую жизнь кровь, оно радуется успехам и печалится неудачам... С Вами всегда было легко и надежно. Огромный мир Ваших героев всегда распространялся на всех ваших партнеров, повышая их собственную планку на высоту, которую они сами бы взять не смогли. Всех Вы защищали, всех брали под свою опеку. Только не нашлось силы, которая бы защитила Вас. Какая неблагоприятная судьба: после всего того, что Вы сделали для людей, Вам пришлось пройти все круги ада. Спящим Вас взяли из больницы в застенки Лубянки. Вы слышите, Строители нового общества, Гуманисты всех мастей и сословий! Ромэны Роланы и Леоны Фейхтвангеры! Певцы "чудесной" страны! Человека, лежащего в больнице и проходящего курс лечения, воспетые Вами герои нового общества подняли с больничной койки и бросили в застенок тюрьмы. Это могли сделать только Шариковы , клонированные на манер предводителя кровожадной волчьей стаи. Сравнение с волками оскорбительно для животных, ведь у них есть свои законы "порядочности". Волки могут сцепиться в кровавой схватке, но когда один из них подает признаки слабости и поднимает лапы вверх, второй не загрызает его до смерти. А здесь лежащего на больничной койке добивали до смерти. А потом, совершив подлое убийство, прикрылись "фиговым листком" "культы личности". Нашли стрелочников, которые были виновны, а сами отошли в тень...

Страшный 20-й век...

А ведь начинался он прекрасно...

Детство. Лодзь.

Мне три года. Я помню наш дом в Лодзи. Я лежу на кровати около большого окна, откуда открывается вид на небо, и я все время смотрю в него. Оно нависает над нашим домом, и, кажется, вот-вот упадет на нас, меня зовут на обед, а мне так не хочется покидать место, на котором я лежу. Я всегда любила смотреть на небо. И мечтать. . Думать о сцене. В четыре я уже играла на сцене. Одета мальчиком, играла Аарона — того самого, брата Моше. Сюжет на библейскую тему, о детстве братьев. В этом спектакле меня увидел Мойше Брудерзон, известный еврейский писатель, возможно, он и был автором пьесы. ...

Летом мы поехали всей семьей в Винницу, к родителям мамы. Там и произошло то, что все изменило в жизни.

. Я помню, как в комнату зашел папа и громко сказал: "Война". Какой-то студент в Сарасво убил эрц-герцога Фердинанда. Небо перестало быть таким притягательным, как раньше. В его бездонную глубину можно бесконечно смотреть только тогда, когда ты спокоен. А война — это постоянное беспокойство. За себя, за близких, за всех тех, кто сейчас на фронте... Люди, оставив свой дом, отправляются за многие километры от него, чтобы убивать друг друга, доказывая мертвым свою правоту. Кто из них окажется прав? Тот, кто сильнее? Слабые не могут быть правыми. Погибшие или раненые, они становятся вынужденными признавать свою неправоту. Когда закончилась первая мировая война, был подписан мирный договор, который стал причиной следующей войны.

Но в пять лет я этого еще не знаю, и думаю только о том, чтобы война миновала наш дом. Дедушка приехал забрать нас отсюда, но мама отказалась ехать, потому что моя маленькая сестра заболела, и мама считает, что с больным ребенком ехать нельзя. Дедушка забрал меня с собой и долгих десять лет я не виделась с родителями. Жила с дедушкой и бабушкой в Лодзи. А когда бабушка умерла и мы остались с дедушкой вдвоем, мы перешли границу и добрались до Винницы.. Какие это были нелегкие годы. Я сказала себе, что когда мы соединимся вновь, я никогда больше не разлучусь с родными. Ни на один день.

Вот, кажется, и первые гости!

Авигаиль! Милая пастушка! Первая моя роль! Невообразимый страх сковал меня перед первым выходом на сцену. Мне казалось, что я не смогу произнести ни слова, а если и начну, то перепутаю слова. Но как только я оказалась на сцене, я почувствовала желание жить в тех самых обстоятельствах, которые были предписаны ролью. С тех пор это ограниченное рампой, задниками и кулисами пространство. манит меня в свой причудливый мир! При входе туда ты ощущаешь сначала только холод, ведь нет на сцене той обыденности, которое согревает любое жилое помещение. А войдя в него ты уже живешь по другим законам. И холод не чувствуется так, как он ощущается при приближении к сцене. Здесь действуют другие физические законы, например, время обратимо. Разве вне сцены это возможно? Героиня сначала умирает в преклонном возрасте, в потом может играть сцена, где она — в детстве.

Можно вообще остановить время и смотреть на происходящее со стороны, наблюдая происходящее в тринадцатом веке глазами наблюдателя из шестнадцатого. И выходит, что между людьми из разных веков есть много общего. Можно даже сказать, что внутренний мир один. Меняются внешние формы, размеры. Например, дочери Короля Лира сражаются за наследство в

границах целого королевства, бросая отца и пленив его, а сегодня дети воюют друг с другом из-за родительской квартиры, сдав немощных родителей в дом для престарелых. И пусть не думают люди из двадцатого, что они чем-то лучше людей из восемнадцатого. Изменились внешние формы и средства жизни. А внутренний мир остался тем же. И то, что не сделал бы в свое время человек из восемнадцатого века, потому, что у него не было технических возможностей это совершить, делал человек в двадцатом, гордо разъезжая в автомобиле и летая за сутки в разные концы земного шара. Лучше или хуже становится мир? Справедливее ли? По тому, что мы пережили в двадцатом, не скажешь, что справедливее.

Правители двадцатого были лучше королей семнадцатого? Те хотя бы не скрывали своих намерений, заботясь о своих поданных, как о своей собственности. О собственности заботятся с пользой и для неё. Свобода и демократия последних веков превратила власть в арену тщеславия для временщиков, которые понимают, что их время ограничено, и играя на слабостях народа, изображая его мнимую свободу, получают от народа законный мандат на все те безобразия, которые творят во время своего пребывания у власти. Сцена демократична и способна осмеять и правителей и вассалов, человеческие пороки без оглядки на социальное положение. Сцена и есть тот справедливый мир, на который опирается мир реальной человеческой жизни. Без сцены реальный мир не сумел бы существовать. С помощью сцены он очищается и сохраняет возможность в какой-то степени не потерять свои ориентиры. В театре утверждают правду и низвергают ложь. Неверно, что весь мир — это театр, а люди в нем — актеры. Правильно то, что Театр — это весь мир на все его времена — а актеры в нем — люди. В театре все честнее и справедливее. Там Ричард третий — получает заслуженное наказание. А в жизни Сталин продолжает лежать на почетном месте и немало тех, кто его оправдывает. Если бы не театр, мир погряз бы окончательно во лжи...

... Это ты, усатый во френче. Снова приходишь ... Наверное, не только ко мне... Сиротливо пристроился в темном углу. Неужели чувствуешь себя виноватым? Наверное, там, в другом мире, другого места для тебя не нашлось. Ну скажи, для чего ты пролил столько крови и взял на душу столько грехов? Чтобы продлить годы своего правления? Ты жил в постоянном страхе. Отправлял тысячи на смерть, а сам боялся есть, опасаясь отравления. Даже лекарств, говорят, не принимал, предполагая, что это способ тебя устранить. Сколько ты выиграл — ну год, еще год. Сравним тебя с Михозлсом, которого ты пережил на 15 лет. Он жил и ушел из жизни как Человек! Даже за несколько дней до т зверской расправы над ним он распивал с друзьями водку и ел, не боясь. Ты же, "владыка шестой части" мира боялся всего и всех.

А твои последние минуты. Ты бессвязно ворочал языком. Но рабы твои уже не подчинялись тебе, как прежде. Так ведут себя рабы по отношению к хозяевам-насильникам. Как только насильник для них не опасен, они мстят ему за зверства. Может быть тогда, беспомощно пытаясь приподняться, ты почувствовал себя на месте своих жертв? И все отговорки твоих почитателей, что, дескать, ты творил свои дела ради страны, это бред мазохистов. Ведь польза для страны — это польза для её граждан. А ты уморил голодной смертью миллионы людей, а собираемым для людей урожаем оплачивал строительство заводов для подготовки новой войны. Войны на завоевание все новых и новых пространств, порабощения новых людей... В тебе было столько недоверия к людям. Недоверие привело к обману.

А обман породил в тебе ненависть к правде. ... Кривой путь. Другого пути для тебя быть не могло. И вражду с Лениным несложным переключением фото – графий ты превратил в дружбу. Вечную дружбу. Дружбу "двух соколов". "Один сокол – Ленин, другой сокол – Сталин". По простому, два сапога – пара. Но ложь, потребность все время выворачивать правду наизнанку, стало твоим любимым занятием. А народу нравилась твоя ложь. Ведь правда скучна и нелицеприятна. А ложь заманчива и успокаивает. Как таблетка от головной боли. Принял одну – стало легче, Потом другую, третью. А потом уже не знаешь, где ложь, а где правда. Встали утром: сосед – враг народа. А ведь неплохой был с виду человек. Оказалось – милая улыбка и кротость - все это была маскировка. А если завтра возьмут меня, вот также ночью? Нет, не возьмут, я же честный, никому не врал. А если придут и заберут? Страшно подумать, что будет там, ведь многие сознаются в том, что были врагами. Нет, меня это не постигнет. Так думали почти все. А на завтра забирали и их, уверенных в своей невиновности. Твои костоломы умели выбивать из подсудимых нужные им признания. Моего Моисея пытали, имитируя процесс потопления. Много лет спустя после их пыток, Моисей кричал во сне: "Тону, Тону!". Камеру, в которой он сидел, заполняли водой. Она постепенно доходила до подбородка, еще немного и... воду спускали. Так ты пытался добиться "правды", чтобы мой Моисей подписал ложное свидетельство о том, что не делали другие. Но он никого не оклеветал. Не подписал. Не сдался тебе. Сколько таких преступлений ты совершил с помощью своих коллег – искателей "правды". Один ты не в состоянии был бы осуществить этот страшный грех. Но уже после твоего физического исчезновения они вышли сухими из воды. Объявили виновным только тебя. Даже не тебя, а твой "культ". Временно ушли со сцены, а через несколько лет вернулись очищенными от скверны. Нескольких твоих сатрапов расстреляли для порядка, чтобы все видели, как "справедливость" восторжествовала. Поначалу объявили "оттепель". Действительно, некоторое время была видимость того, что можно назвать потеплением. Но вскоре стало сыкоотно, а затем снова ударил мороз. И продолжили, как бы ни в чем не бывало дальше. Выбросили твою физическую оболочку из мавзолея, теперь она в земле. А дух твой вот так бродит неприкаянный в сознании людей. Римский император Тит, разрушивший Иерусалимский Храм, чувствуя за собой грех и предвидя свою близкую смерть, завещал развеять свой прах по семи морям, чтобы в мире ином не получить наказание за земные прегрешения. Ты же оказался примитивнее Тита. Поверил в свою вечность. Вот теперь твой удел – пройти через сознание живущих, очищая его со временем. Если сознание людей не очистится правдой, ты возродишься вновь, возможно не усачом во френче, а внешне безусым, но таким же, как ты по сути. Поэтому подтвердим правду: не было никакого наезда автомобиля на Михозлса и Потапова. Это было придумано. Было заурядное убийство на даче Цанавы. Михозлса нужно было убить, и убить срочно. Потому и готовилось эта операция необычным способом. Привычный для тебя процесс с покаянием обвиняемого и его расстрел здесь не подходил. И по времени, и по ненужному резонансу во всем мире. Ведь его знали за рубежом. А тут случай, ну чего не бывает... Дорожное происшествие... Я, Эльша, со слов своего мужа, который присутствовал на вскрытии тела Михозлса, утверждаю: была только небольшая рана у виска и перебитая палка. Грузовик не мог оставить такие следы, это было заранее спланированное и осуществленное убийство. А палкой

Михоэзе, видимо, защищался, когда к нему приблизились убийцы. Они её и сломали. Правду, правду, ничего, кроме правды... Ты живуч в памяти людей и часть из них продолжают боготворить тебя потому, что в них неосознанно живет частица твоей безумной жестокости и недоверия к людям. Будучи не в состоянии избавиться от этих черт, они тянутся к тебе, оправдывая то, что заложено и в них...

... А это кто? Неужели солдатик из далекого военного госпиталя? Солдатик, которого я встретила тогда в госпитале, в Ташкенте. Ты держал карандаш в зубах и пытался рисовать. Когда я приблизилась к тебе, то увидела, что у тебя нет обеих рук. Я спросила тебя, есть ли у тебя дом, ты ответил, что нет. Потом медсестра рассказала мне, что у тебя есть родители, братья, но ты не захотел возвращаться в семью. Ты себя похоронил, того, молодого, которого они проводили на войну... Эти страшные картины госпиталей. Однажды после концерта ко мне подошел человек с обгоревшим лицом, видны были только дырочки в носу и бледные губы. Он спросил меня: "Эльшенька, Вы помните меня?". Я сказала "Да", не хотела обидеть его, но его невозможно было узнать. В тот момент все заторопились. Заторопился и этот боец. Я так и не узнала его. И голос был незнакомый, ведь обгорело все лицо и изменилась речь... Сколько таких трагедий пришлось увидеть во время работы в госпиталях. А кончилась война, и все эти безрукие, безногие, безликие участники боев были брошены и забыты: все победы приписали одному усатому герою... только он воевал, и терял себя и близких... Наконец, и мой Монсей!

... Пятнадцать лет, с тех пор, как ты ушел, ты не покидаешь моё сознание. Мне снятся сны, будто ты и не узнаешь меня. Но вот недавно узнал, говоришь: «Идем, я покажу тебе, где я живу». Заходим в какую-то большую комнату. В углу – стол, пустой, ничем не покрыт. И два стула. И все. Отчетливо вижу: Ты голоден. А в уголке на кухонном столе – одно яйцо и кусочек черного хлеба. Ты берешь эту скудную пайку и даешь ребенку, которого я не помню». Возможно, все это память возвращается к дням твоего пребывания в лефортовской тюрьме. Это бесконечные, томительные тринадцать месяцев одиночного заточения в лефортовской тюрьме с нечеловеческими изнурительными пытками и следовавшие затем четыре с лишним года тяжелой лагерной жизни». А началом был арест. 22 января сорок девятого. Суббота. В нашу квартиру врываются четверо. Арестовывают тебя. Ты спрашиваешь у них документ об аресте. Они его находят. Тебя уводят. Начинается обыск. Он продолжается всю ночь. Они рвут матрац нашей кровати, забирают твои рукописи. Находят картину Фалька, которую он подарил нам с тобой и, увидев дарственную надпись художника, начинают рвать куски холста, видимо надеясь найти в нем крамольное... Я кричу им: "Зачем Вы портите картину?". На что слышу ответ: "Разве это картина? Это мазня!". Для автоматов с Лубянки - Фальк это мазня! Воспитанные порядками революции 17 года, они видят на холсте художника только мазню. Капилляры их мозгового образования способны только на непосредственную реакцию происходящего. 37-ой год был возможен только руками воспитанников революции 17-го. Нас с детьми не отпускают даже в туалет. К утру варварство завершается и каннибалы покидают наш дом. На следующий после твоего ареста день меня не допустили к спектаклю –к «Блуждающим звездам», к роли Генриетты, одной из самых любимых. Девять месяцев я не переступала порога театра, а потом вдруг вызвали на эпизод во

«Фрейлехсе» -последнем (!) спектакле еврейского театра.

- А я знала, что ты ни в чем не виноват. Впрочем, надо сказать, что у меня было какое-то счастье. Мне сказали: «Придете на Лубянку. Получите все сведения». В приемной на Кузнецком мосту я просиживала часами. Однако, мне сразу разрешили передавать деньги – в очередях говорили, что это хороший признак. Как выяснилось годы спустя, никаких денег ты не получал. передачи не разрешали. Только перед тем, как тебя выслали, позволили передать теплые вещи. Я увидела тебя только через два месяца. Когда ты получил десять лет, тебя сослали в Куйбышев. Там пересыльная тюрьма. Я поехала в этот город, там жил мой брат, он работал на военном заводе. Выстояла всю ночь, но передачу приняли. Не помню как, но я поняла, что ты ее получил и понял, что я тут - рядом, в Куйбышеве. Свидания, конечно, были исключены. Одна женщина буркнула мне: «Есть определенное время, когда у них прогулка по тюремному двору. Поднимись на тот вон пригорок и, может быть, ты увидишь своего». Я-то может быть и увижу, а вот он... Ты был очень близорук. Я никогда в платках не ходила. А тут надела специально - ярко-красный. Был сильный мороз. На прогулку вывели троих, Один – ты, как не узнать? Сорвала платок, машу, забыв об опасности. Ты узнал меня, узнал. И тоже поднял руки, скованные кандалами. Наручниками, конечно...

А познакомились мы...

Шел 1931-й год. Я была студенткой Еврейского театрального училища, а ты учился на еврейском отделении литературного факультета МГУ-2 и преподавал философию в одном из московских техникумов. И вот из моего училища написали на твой факультет письмо: не могут ли оттуда выделить преподавателя, который вел бы курс философии для будущих еврейских актеров на языке идиш? Декан, зная, что ты как раз преподаешь философию, предложил твою кандидатуру. И ты явился к заведующему учебной частью училища Эфраиму Лойтеру, представился. «А, Вайсинкер, -шутливо приветствовал тот. –А сможешь ли ты вести курс диалектического материализма в свете театрального дела?». «Нет, так не смогу», - честно признался ты и ушел, на всякий случай оставив свои координаты. Ты ходил на все спектакли еврейского театра и заметил меня на сцене.

Через две недели тебя пригласили в училище читать философию на 3 курсе. «Вошел в класс юноша, я и внимания на тебя не обратила, –И тут секретарша открывает дверь и вызывает трех студентов, в том числе и меня, на репетицию к Михоэлсу. Ты строго возразил: идет урок, и ты никого не отпускаешь. И просишь передать Михоэлсу, что неэтично вот так выдергивать людей с занятий».

Вскоре позвонили из театра и сообщили, что Соломон Михайлович приглашает нового преподавателя на разговор. Вы познакомились. Старший по возрасту и положению признал правоту младшего, извинился. И вскоре, когда Лойтер ушел на другую работу, Михоэлс предложил на это место тебя. Шел 1932 год. Молодой завуч с группой будущих актеров съездил в Крым, они выступили с концертами перед колхозниками –в ту пору там создан был ряд еврейских колхозов. В той гастрольной поездке между нами завязались серьезные отношения. После года ухаживаний, «года взаимных завоеваний», мы сошлись. Как оказалось, на всю оставшуюся жизнь. К тому времени ты окончил университет и получил повышение –стал директором Еврейского театрального училища.

... Давид, сынок.. А в последнее время сны о тебе приходят все чаще и чаще, очень страшные. Мне снишься ты. Я тебя вижу совсем молодым Все эти годы,

прошедшие после твоей кончины, ты приходишь ко мне также, как пришел в последний раз накануне смерти. Помнишь тот, последний день? Ты поехал на море с друзьями. Вы сидели прямо напротив набегающих волн, был закат, и вдруг ты позвонил мне и

спросил, можешь ли приехать сейчас. Я сказала: "Конечно. Я всегда жду тебя". Я не подозревала ничего особенного. Ты приехал и долго-долго целовал меня, как будто не виделись вечно или как перед долгой разлукой. Я не могла себе представить, что так и будет... А ночью тебя не стало. С твоим уходом от меня ушла часть меня. Как будто кто-то отнял у меня важную часть. Как мало ты прожил... Не дожил даже до возраста своего великого тезки. Царь Давид прожил семьдесят лет. С тех пор у евреев полной жизнью считается семьдесят лет, а все, что свыше – даренные годы. Говорят, царь Давид должен был умереть при рождении, но потом ему были дарованы семьдесят лет. А ты не дожил и эти годы. Как же так получается, что мать должна пережить сына. Это не просто потеря близкого человека. Я вынашивала тебя и за эти девять тяжелых военных месяцев через все тревоги и заботы войны, думала о тебе. Да, это противоречило смыслу окружающей жизни: вынашивать плод, когда вокруг убивают. Жизнь вопреки смерти. Но ты пришел в этот мир, чтобы жить, радоваться, думать, любить. Ты был талантливым специалистом, у тебя были золотые руки. Ты любил все вокруг, несмотря на многолетние страдания. Наверное, именно благодаря им, ты ценил жизнь, которую ты проживал, проживал каждый день за те дни, которые тебе не удастся прожить, потому и старался жить по полной форме с пользой для других. Сколько бы ты еще был нужен всем, кто был с тобой рядом. Если бы зависело все от меня, я отдала тебе часть своих лет. Было бы справедливым, если матери могли бы отдавать часть своих лет ради детей, которым суждено покинуть этот мир. А теперь мы вынуждены были расстаться...

...Соломон Михайлович! Помните последние минуты нашей с Вами прощальной встречи? Я провожала Вас до дома. У меня было свободное время, так как я была занята только во втором акте. Вы сказали мне на прощанье: "Эльшуня, загибай пальцы! Вы надеялись на чудо. Вы сознавали, что конец близок – палач жесток и немилосерден, и все же, на что-то надеялись? Думаю, что Вы думали в этот момент о том, что справедливость когда-нибудь восторжествует...

Когда-нибудь все, кто хочет это услышать, будет знать, что Сталин – это ложь, она рекошетом ударит по нему, обнажая его страшную суть. Почему он поднял руку на наш народ? Думал, что уничтожив евреев, он победит в споре о праве на человеческую жизнь. Мы – как живое воплощение заповедей, с которыми он с самого детства был не в ладах. Он был хорошо знаком с библией, и его неукротимая жажда мстить всем за ту несправедливость, свидетелем которой он был с детства, входила в противоречие с ними. Чтобы доказать свою правоту после всех расстрельных и ссыльных лет, ему, приближающемуся к концу своих дней, нужно было подтверждение того, что утверждения заповедей потеряли свою силу: ведь если не существуют носители заповедей, то они вымышлены, и, значит, не надо бояться расплаты после ухода из жизни. И можно прожить еще много лет, не боясь грядущей расплаты. А там, гляди и найдут секрет бессмертия – он первым им и овладеет. Ведь не случайно, наверно, не расстрелял Лину Штерн – она как раз занималась проблемой долголетия. Она могла бы еще пригодиться...

Вы были особенно противны "вождю народов" – все время занимались проблемами окружающих Вас людей, имели авторитет. А у него не должно было

быть заботы о ком либо. Он и сына не пожалел. Жалость и милосердие на его взгляд портят человека. Того и гляди — из милосердия пожалеешь врагов. А уж они ему спуска не дадут. Как пауки в банке. Или он их, или они его. А потому носителей человеческих качеств должны уйти, не находиться все время перед глазами, задавая вопросы о праве человека на жизнь...

Его поразила реакция зала, когда в Политехническом Музее Вы рассказали о том, что сказал Громыко в ООН в поддержку создания Государства Израиль... Та реакция зала, которая, как громовой шквал, чуть было не разрушила стены Музея, дала Сталину понять: "Эти себя еще покажут. Того и гляди развалят всю империю, которую я создал. Пролил моря крови, а теперь стоило поманить их пальцем в Палестину, так они уже туда и смотрят. Нет, пора с ними кончать. Ведь так они и других научат. И развалится моя держава, нет, надо сразу же наказать возмутителя этих бестий, прикрывающихся партийными билетами, и превозносящими меня на собраниях. Палестина — вот что у них в душе. Что они знают о ней? Ведь не голая пустыня их влечет. Опять эти заповеди... Им кажется, что попав туда, они смогут их выполнять? Здесь им, конечно, не подходит. Ведь они в душе его, Сталина, презирают. Не прощают мне моей жестокости. Милосердия им подавай...". Так у него, возможно, возник план расправы с советскими евреями и, в первую очередь, с Вами...

Соломон Михайлович, перед поездкой в Минск Вы попросили Моисея Соломоновича, зайти к нему в театр: Сказали: «Хочу поговорить». Встретились. Вы были в плохом настроении. Сказал, что не хочется ехать в командировку, но — посылают... Попросили: «Присмотрите тут за моими», —словно уезжали очень далеко и надолго, имели в виду своих актеров, театр: Мы с актрисой Леной Сигаловской, моей приятельницей, женой Дер Нистера, которого Вы любили, помогли выбраться из эвакуации в Москву и даже поселили в помещении при театре, решили пригласить Вас, своего учителя и кумира на маленький такой ужин перед отъездом. Вы ведь обычно не прочь был выпить водочки, и мы купили четвертинку, кое-что приготовили на закуску и к чаю. Собрались впятером, две семейные пары (я и Лена с мужьями) и Вы. Причем, Вы, который обычно всегда опаздывал —всегда занят, ведь Вас то и дело останавливают по пути люди —на этот раз явились на удивление точно: ровно в 8. Посидели недолго. Настроение у Вас, помните, было скверное. Вам не хотелось ехать. И пить тоже не хотелось —четвертинку не осилили, и Вы сказали: «Допьем, когда вернусь!». Вы поделились тогда с нами идеей: создать факультет музыкальной драмы при еврейском театральном училище. Вот ведь веселый, с песнями и танцами спектакль «Фрейлехс» у нас идет с успехом, этот жанр надо развивать. И дали Беленькому задание: продумать организацию нового факультета. Я вышла проводить Вас, Учителя, до угла, Вы жили неподалеку от театра. Вы сказали: «Эльша, загибай за меня пальцы. Мы обнялись и я Вас поцеловала —впервые в жизни, это был внезапный порыв. Вы пошли домой, а оттуда —на вокзал. Прошло несколько дней. Во время репетиции, которую вел Зускин, из пустого кабинета директора послышался телефонный звонок. Вениамин Львович поспешил взять трубку...Закричал: «Что?! Не может быть!». И, вернувшись в репетиционную, сообщил актерам: «Соломон Михайлович погиб в автомобильной катастрофе». Я схватила за голову и сказала: «Его убили!». Клянусь детьми, я сразу поняла, что это убийство...

Версию автомобильной аварии Сталин придумал для Запада. Ведь еще совсем недавно он посылал Вас туда и многие Вас там знали. Поэтому ему нужна была гибкость. Как с Ромэном Ролланом – подослал к нему в виде жены бывшую аристократку, даровав ей физическую свободу, она следила за ним, и когда тот писал в дневниках что-то неслетное про Советскую власть, содержимое дневников изымалось. А Запад продолжал слушать сладкие речи знаменитого француза о чудесах, совершаемых на одной шестой части планеты. .

Убив Вас и выдав это за автомобильную аварию, кремлевский хитрец хорошо поиздевался над Западом, выражая вместе с ним соболезнование в связи с происшедшим. девяностолетний скрипач на крыше нашего театра в день Ваших похорон... Понятно, что без "театральных работников" в штатском тут не обошлось. И то, что я, когда услышала весть о Вашей смерти, закричала: "Его убили!", наверно, дошло до тех ушей, которые слышат все. Но они посчитали, что в тот момент никого трогать не следует. Ведь автомобильная авария... Весь мир знает это. Потом, мол, сочтемся. И они сочлись...Заработал каток арестов, пыток, расстрелов и ссылок...

...А вот и Корделия!

Корделия! Я не любила эту роль, когда мне пришлось играть её. Как противоречива жизнь актрисы: Когда ты молода и можешь сыграть роль физически, тебе не хватает жизненной мудрости, ты не в состоянии понять логику поведения твоей героини. А теперь, когда мне 100, и я могу осознать все, что она говорит, объяснить её поступки, я физически не в состоянии это сделать. Если бы я сейчас смогла сыграть Корделию, я бы вложила в неё все, что перенесла за свою жизнь. Она не лжет, как её сестры. Но правда и ложь скрещиваются в поединке во все времена, будь то век пятнадцатый или двадцатый. Безумие Лира – это крах его представлений о мире, который существовал в его воображении... Кажется, светает. Сейчас в комнату войдут, пожелают нового тягучего дня... Я буду ждать снова встречи со своим прошлым... Со всем, что было. Я, Эльша Безверхняя, актриса Московского ГОСЕТА, перешагнув порог столетия, вместе со своими любимыми героинями буду снова и снова искоренять зло и утверждать добро! Авигаль, Корделия, Генриэтта... ! Оставайтесь со мной! Мы будем вместе продолжать спасать этот мир! Ведь только на сцене торжествует правда! Только в театре побеждает Жизнь!

Где силы мне взять
Чтоб к подмосткам опять,
Вернуться дорогой бесценной!
Чтоб зло побеждать!
Чтоб добро утверждать!
Волшебною Силою Сцены!

12. Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Из выступления на вечере СОЛОМОНА БЕЛЕНЬКОГО

... Я хочу поблагодарить организаторов этого вечера и всех тех, кто находится сегодня в зале и познакомился с тем, кем был мой отец. Я написал большую статью, которая вышла в свет в декабрьском номере (№4) международного журнала "Время и место". Я – счастливый человек. Я родился в семье, где всегда чувствовал любовь и заботу. К сожалению, я не был на похоронах отца. За три недели до его смерти, я прочитал ему

стихи, посвященные ему.

Путь прошёл с тобой в жизнь длиною –
От колыбели до глубоких седин,
Ты стал моей путеводной звездой
Молитвой, с которой легко в пути.
Ты жизнь подарил и дал мне веру
Святую в величье обыденных дней,
Ты научил меня счастье мерить
Поступками щедрой души своей.

Всей жизнью своей снискал поклоненье
Глашатай и страстный защитник идей
Народа, которому ум, вдохновенье
Ты отдал сполна, как Легенда – Моисей.

Он прослезился и поблагодарил меня за эти слова, и
благодарность его, как музыка, утешает меня в моём сиротстве

13. МОИСЕЙ И ЭЛЬША: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Александр Баршай

статья опубликована 31 марта 2011г. в газете "Вести"- "Окна" (Израиль), стр 18, 20

1.

Два библейских имени – Моисей и Соломон – чаще всего звучали в тот вечер в Реховоте. Моисей Соломонович Беленький, Соломон Михайлович Михозлс, Эльша Моисеевна Безверхняя-Беленькая, Нина Соломоновна Михозлс, Соломон Моисеевич Беленький. Казалось, что в этом небольшом, более чем скромном зале Бейт оле – городского Дома репатриантов – ожила, обрела звуки, запахи и зримые образы история еврейского театра в СССР – такая ослепительно яркая и такая злодейски-трагическая.

В тот вечер в Реховоте вспоминали младшего друга и сподвижника Соломона Михозлса - Моисея Беленького - выдающегося деятеля еврейской культуры, философа и писателя, педагога и переводчика, редактора и воспитателя театральной смены, почти двадцать лет возглавлявшего Театральное училище Московского ГОСЕТа. Вспоминали потому, что год 2010-й – год знаменательных юбилеев для еврейского театра: год столетия Моисея Беленького и Эльши Безверхней – одной из двух оставшихся в живых актрис театра, верной спутницы Моисея. Это и год 120-летия со дня рождения Михозлс и 90-летия создания самого ГОСЕТа.

Почему – Реховот? Да так, видно, все складывается, что именно этот город в Израиле становится хранителем памяти и духа убиенного в 1949-м году еврейского театра на языке идиш. Не потому ли, что ровно 20 лет назад в Реховоте поселились Моисей и Эльша, и здесь он, полуослепший, успел написать свою последнюю книгу «Философия Маймонида». А она, его верная подруга, перешагнув столетний рубеж, все так же трепетно и ясно сохраняет память о своем замечательном муже, о театре и училище, первой выпускницей

которого Эльша была, о Михозлсе и его друзьях, о неповторимом времени своей молодости. Не потому ли, что именно в Реховоте усилиями группы энтузиастов и подвижников во главе с Яковом Иовновичем создано Общество друзей еврейского театра. Это круг единомышленников, которые видят свою цель в том, чтобы люди знали и помнили о таком феномене еврейской культуры, как Московский ГОСЕТ и другие театры на идише, чтобы духовный заряд поколения Михозлса питал и молодую еврейскую смену, служил вдохновляющим образцом для других народов. И по мере своих скромных сил добровольцы делают эту благородную работу. Регулярно издают «Известия Общества друзей еврейского театра» с рассказом о выдающихся актерах, режиссерах, драматургах, известных деятелях еврейского театра, организуют спектакли молодых израильских артистов, проводят вечера и встречи с людьми, которые могут вспомнить и рассказать много интересно.

В марте 2010 года в Реховоте состоялся впечатляющий вечер, посвященный столетию Эльши Моисеевны Безверхней-Беленькой. Кроме самой героини вечера на нем выступили Нина Михозлс, Этель Ковенская - младшая подруга Элиши, бывшая актриса ГОСЕТа, театра имени Моссовета и «Габимы», Алла Зускин-Перельман - дочь Вениамина Зускина, Шмуэль Ацмон - художественный руководитель израильского театра «Идишпиль», Макс Вексельман - историк еврейского театра, Татьяна Хазановская - молодая израильская актриса, исполнившая отрывок из моноспектакля «Блуждающие звезды», и другие.

И вот теперь, ровно через полгода – вечер памяти Беленького.

Как много нового и интересного узнали мы об этом человеке!

В литературно-художественную композицию, созданную Яковом Иовновичем, органично вошли воспоминания Эльши Моисеевны, Нины Михозлс, российского актера Вениамина Смехова, сына Моисея Беленького профессора Соломона Беленького, специально прилетевшего по этому случаю из США, а также письмо большой группы выдающихся русских артистов, бывших студентов Моисея Соломоновича, выпускников Щукинского театрального училища при театре имени Евгения Вхтангова и видеозапись беседы художественного Руководителя Театра на Таганке Юрия Любимова с Художественным Руководителем Щукинского Училища (Института Искусств) Владимиром Этушем.

2.

Итак, юный еврейский вундеркинд Моисей Беленький из белорусского городка Дубровно приезжает в 1927-м году в Москву для продолжения образования и, благодаря феноменальной памяти, трудолюбию и любознательности, стремительно пополняет свой багаж знаний в области истории и литературы, причем, не только еврейской, философии, мировой культуры, расширяет свои языковые рамки. Он учится на еврейском отделении историко-филологического факультета Второго московского университета, и уже с третьего курса сам становится преподавателем. Причем, сразу в двух учебных заведениях.

Профессор Халикман, приметивший яркого, одаренного студента, рекомендовал Моисея Беленького на преподавательскую работу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю.Мархлевского. В этом вузе – по сути, высшей партийной школе Коминтерна,

20-летний студент вел курс философии на еврейском отделении (было еще и такое!). Причем, вел настолько интересно и содержательно, что после окончания собственной учебы, Беленькому предлагают здесь место штатного преподавателя. Он согласился, и проработал в этом вузе, преобразованном впоследствии в Московский педагогический институт имени А.Бубнова, несколько лет - до самого закрытия института. Здесь он защитил диссертацию по Спинозе, став одним из самых молодых доцентов в стране.

Между прочим, среди студентов М.Беленького на факультете журналистики был и Леопольд Треппер – да-да, впоследствии тот самый легендарный советский разведчик, выдающийся антифашист, руководитель «Красной капеллы» - самой успешной агентурной сети в истории мировой разведки. А тогда, в 30-м году этот, уже многое повидавший на своем веку человек, учился коммунистической журналистике на языке идиш. Его преподаватель философии Моисей Соломонович Беленький был моложе своего студента на шесть лет. Страшная ирония судьбы, а точнее, сталинского режима: обоих евреев - и преподавателя, и студента – советская власть своеобразно «отблагодарила» за верное служение Родине, благополучно отправив после войны в застенки и лагеря ГУЛАГа. Примечательно, что оба они и вышли из лагеря в один год - 1954-й, только после смерти усатого тирана. Не удивительно, что на закате своей жизни и Леопольд, и Моисей припали к истинной своей Родине – Израилю. Здесь же, на Земле обетованной нашли они и свой вечный покой...

3.

Но вернемся в 30-й год, в каком-то смысле судьбоносный для Беленького.

Зная об успешном его дебюте в качестве лектора, декан факультета Барух Шварцман предложил Моисею сходить в только что открывшееся еврейское театральное училище при ГОСЕТе, там требовался преподаватель философии на идише. «И я отправился в Столешников переулок, где в доме номер восемь располагалось училище, - вспоминал М.Беленький в своем интервью израильскому журналисту Л.Школьнику. " - Нам бы хотелось, - сказал завуч училища Э. Лойтер, - чтобы философию вы преподавали под "флагом" театрального искусства, сочетая диалог с историей театра". Я честно признался Лойтеру, что театр не знаю, специфику театра - тоже, а посему вынужден отказаться от предложения. В общем, распрощался с Эфраимом Борисовичем и пошел прочь из его кабинета. Вдруг услышал крик: "Беленький, вернитесь!". Вхожу опять в кабинет, и Лойтер говорит: "Знаете что, оставьте на всякий случай свой адрес". А через неделю-другую получил из училища открытку с просьбой явиться "на предмет определения функциональных обязанностей преподавателя философии". Так я был принят на работу с оплатой 3 рубля 25 копеек в час».

А вот как произошло знакомство Беленького с Михозлсом:

«Читаю однажды лекцию, и вдруг открывается дверь, входит в аудиторию Фаня Ефимовна Рубинштейн, секретарь училища. Я буквально был ошарашен: без разрешения педагога кто-то врывается во время его лекции в класс. "Кто вы такая?" - громко спросил я. "Я пришла, чтобы сказать вам, что сам Михозлс..." - начала отвечать Рубинштейн, но я ее не дослушал и заорал: "Вон из аудитории!"

Пока я читаю лекции, никто не имеет права, даже Михозлс, без спроса врываться сюда!". В общем, госпожу Рубинштейн, которая была в училище "и Бог, и царь, и воинский начальник", я выгнал. А через день-два звонит Соломон Михайлович: "Надо встретиться и поговорить". Я, естественно, согласился. Мы встретились в кафе "Националь". Михозлс любил кофе со слоеными пирожками. А разговор начал издали, вокруг да около, а потом вдруг говорит, что я, мол, нарушил общепринятый этикет. "Соломон Михайлович, - ответил я, - или я буду и впредь нарушать этот этикет, или мне придется уйти из училища. Я очень уважаю вас, но не позволю, чтобы секретарша, прикрываясь вашим именем, с пренебрежением относилась ко мне". Михозлс помолчал, отхлебнул кофе и сказал: "Вы правы. Гоните их всех в шею!". Этот разговор произошел в 1930 году, когда я был только преподавателем. А в 1932-м, окончив университет, я стал, по настоянию Михозлса, заведующим учебной частью, а затем и директором училища».

Это было, что называется, попаданием в десятку. Он стал не только отличным руководителем и душой еврейского театрального училища, но и любимым другом и наперсником Михозлса, который делился с Беленьким самым сокровенным и важным. Известно, что Соломон Михайлович даже будучи очень усталым после напряженного рабочего дня, уходя на отдых, просил разбудить его только в том случае, если позвонит Моисей Беленький. Как сказала на вечере Нина Соломоновна Михозлс, «я думаю, что особая близость Моисей Соломоновича к папе объяснялась, в том числе, и тем, что Беленькому не надо было ничего объяснять, они могли молча, без слов понять друг друга. Их союз с папой - это был союз абсолютного доверия. Как вы понимаете, в то время это было самое дорогое и важное!». Что же касается вообще общения с людьми, со студентами в особенности, то, по словам той же Нины Михозлс, «никто не чувствовал рядом с ним человека, который поучает. Он просто считал, что у каждого есть право на свое мнение».

Быть может, и это качество Беленького привлекло к нему первую красавицу первого набора училища Эльшу Безверхнюю. Но вначале, как вспоминала сама Эльша, она не обратила никакого внимания на молодого учителя философии. Хотя он-то как раз никак не мог не «положить глаз» на эту смуглую, живую, гибкую, как тростник, студентку из Винницы. Но шло время, и от урока к уроку, от лекции к лекции Эльша все больше и больше проникалась симпатией к этому не по годам вдумчивому, серьезному и вместе с тем очень сердечному, открытому молодому человеку.

«Шел 32-й год, - вспоминает Эльша Моисеевна. - Молодой завуч с группой будущих артистов съездил в Крым, они выступали с концертами перед колхозниками. В ту пору там был создан целый ряд еврейских колхозов. Там, в этой гастрольной поездке между нами завязались серьезные отношения. После года ухаживания и взаимных завоеваний мы... сошлись. Как оказалось, - на всю оставшуюся жизнь...»

4.

Да, почти 65 лет совместной жизни Моисея и Эльши вместили очень и очень многое: и ужас страшного «века-волкодава», потерю самых близких и дорогих людей, и радость взаимной любви и верности, и тепло семейного

очага с двумя замечательными сыновьями – Соломоном и Давидом, и напряженный труд – писательский, исследовательский, редакторский, педагогический, и радость общения с яркими, незаурядными, выдающимися личностями, и глубокое уважение, признательность сотен учеников, студентов, коллег.

Вот воспоминания лишь о некоторых фрагментах этой жизни.

Эльша: «Седьмого января 1948 года поздно вечером Михозэлс должен был как член Госкомитета по Сталинским премиям ехать в Минск. В здании театра жил писатель Дер Нистер. Договорились с Соломоном Михайловичем, что в семь часов вечера (перед тем, как отправиться на вокзал) он зайдет туда попрощаться с нами. Надо сказать, Михозэлс всегда опаздывал - был за ним такой "грех". Но в тот день он появился ровно в семь, минута в минуту. Нас было пятеро: Дер Нистер с женой, бывшей актрисой Харьковского еврейского театра Сигаловской (моей большой приятельницей), мы с Беленьким и Михозэлс. Войдя, Михозэлс сказал: "Я ненадолго к вам, в десять мне надо быть на вокзале". Мы к его приходу что-то соорудили к ужину, вытащили бутылку водки (Соломон Михайлович предпочитал именно ее). Словом, времени было мало, мы присели к столу, выпили по рюмке, и Михозэлс сказал: "Если бы вы знали, как не хочется ехать в Минск! Но - увы, - надо". И вдруг добавил: "Давайте допьем эту бутылку, когда я вернусь".

А я в тот вечер была занята в спектакле лишь во втором акте, и поэтому вызвалась проводить Соломона Михайловича. Мы дошли с ним до угла Тверского бульвара и Малой Бронной. Он поцеловал меня на прощанье и сказал: "Эльшуня, загибайте пальцы"...

13 января в десять утра началась репетиция. Вел ее Вениамин Зускин. Репетировали мы "Кедай цу лебн аф дер велт" ("Стоит жить на свете") по пьесе одесского драматурга Айзика Губермана. Начали репетицию без Зускина: он на несколько минут задержался в кабинете Михозэлса – читал какое-то письмо. Вдруг раздался телефонный звонок: "Вам звонят из Комитета по делам искусств. Мы должны сообщить вам, что Соломон Михайлович погиб в автомобильной катастрофе". Зускин вбежал к нам в зал, как безумный, и, схватившись за голову, запричитал: "Михозэлс... катастрофа... погиб". Не помня себя, я закричала: "Убили!". Я выкрикнула именно это слово: "Убили!".

Моисей: «Ровно через год после похорон Михозэлса, 23 января 1949 года, в восемь часов вечера за мной пришли четверо гэбзшников. Двое из них были мне знакомы: они "вели" нас из кинотеатра, где в тот вечер мы с Эльшей Моисеевной смотрели фильм о Рембрандте из немецкой кинотеки. К тому времени уже были арестованы Зускин, Фефер, Нусинов, параллельно со мной взяли Бергельсона, Квитко, американскую супружескую пару - членов Еврейского антифашистского комитета. Сначала меня "прописали" на Лубянке, а оттуда перевели в Лефортово, в камеру-одиночку номер 114, где я просидел 13 месяцев. Потом меня снова вытащили на Лубянку, и там я подписал бумагу, в которой признавал себя "еврейским буржуазным националистом, пропагандирующим национализм, сионизм и оказывающим разлагающее влияние на студентов". Вскоре мне вручили решение Особого совещания ("тройки"), из которого я узнал, что приговорен к десяти годам

строгого режима. Так я оказался в пересыльной тюрьме Самары...».

Эльша: « Я получила из Самары открытку и сразу же поехала туда. Свидания, конечно, мне не дали, но передачу удалось "организовать". А потом добрые люди подсказали, что я могу увидеть мужа во время прогулки, - надо обойти тюрьму и подняться на горку, с которой виден тюремный двор. Я так и сделала. И когда толпу заключенных вывели на прогулку, я его сразу увидела. И еще увидела нашего знакомого Ципурского и еврейского поэта Аврома Гонтаря. Сорвала с головы ярко-красный платок и начала им махать. Если вы читали "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына, то должны помнить этот эпизод. Наверное, Александру Исаевичу кто-то рассказал об этом».

Скорей всего, Солженицыну рассказал об этом эпизоде сам Моисей Соломонович, когда их пути пересеклись в лагере под Карагадой. Там московскому знатоку философии, литературы и театра, пришлось работать под землей - маркшейдером на угольной шахте. Оказавшись в тяжелейших условиях заключения, среди уголовников, Беленький не спасовал, не дал слабину. Моисей покорял всех своим обаянием и эрудицией. Тюремные авторитеты и простые зеки уважали его за талант рассказчика. Даже начальство относилось к нему благосклонно. Выжить помогли и передачи с воли. Их постоянно присылала ему его верная Эльша. В свободное от подневольного труда время бывший директор театрального училища ставил в лагерном клубе театральные спектакли. Особым успехом пользовалась чеховская шутка «Юбилей», где Моисей сам играл роль въедливой старухи Мерчуткиной. Начальники и зеки аплодировали ему с одинаковым энтузиазмом...

5.

Целый год после смерти «рябого черта» пришлось Беленькому ждать освобождения и реабилитации. И ГОСЕТ, и училище, и вообще почти все еврейское было в стране уничтожено. И он принял предложение Комитета по делам искусств возглавить кафедру философии в Московском театральном училище имени Б.Щукина – базовом учебном заведении знаменитого театра имени Евгения Вахтангова, театра, очень близкого Михоэлсу и ГОСЕТу по своей эстетике, по манере игры. Здесь, в «Щуке», которую возглавлял ученик Вахтангова Борис Захава, Моисей Соломонович защитил докторскую диссертацию по философии, здесь нашел он преданных коллег и любимых учеников, многие из которых стали впоследствии выдающимися актерами и режиссерами российского театра. И сегодня, через много-много лет после общения с Беленьким, они с огромной теплотой вспоминают Наставника, Мудреца и Друга, которого они называли «Моисей» и «ребе»...

ידיעות אגודת ידידי התיאטרון היהודי

גיליון מס' 2 (שנת 2011)

יושבת ראש לכבוד – השחקנית הדגולה אלשה בזורחני-בלנקי
צוות הוצאה לאור: ד-ר מ. ווקסלמן, י. גולצפרב – לוריה, י. יובנוביץ
כתובת קשר: יובנוביץ יעקב רחוב התחיה 25/24 רחובות 76551
www.rehes.org e-mail: my_iov@bezeqint.net

גיליון 17-2, © BEIT HAMADANIM REHOVOT, (ISSN – 1565-9836)

תוכן העניינים:

הגיליון מוקדש לזיכרו של הויסיי בלנקי ז"ל לכבוד 100 שנים מיום הולדתו

תוכניית הערב המוקדש לזכרו של מ. בלנקי ז"ל

1. מאמר עורך החוברת "לקראת 100 שנים מיום הולדתו של מ. בלנקי
2. ד-ר מ. ווקסלמן "בלנקי – פילוסוף"
3. הסופר מ. לב "בלנקי – מנהל התיאטרון הצעיר"
4. נטליה מיכואלס-וובסי "על בלנקי"
5. נינה מיכואלס - "בלנקי – מורה דרך"
6. אלה זוסקין-פרלמן "על בלנקי וזוסקין"
7. בנימין סמאחוב- "בלנקי ובית לבמה על שם ב. סשוקין"
8. אטל קובנסקי "הצעדים הראשונים שלי בסטודיה ליד התיאטרון"
9. מכתב עמיתו ותלמידו של בלנקי לכבוד 100 שנים מיום הולדתו
10. שיחה על בלנקי בין יורי לינבימוב לבין ולדימיר אטוש
11. יעקב יובנוביץ – מחזה "מונאלזה של אלשה"
12. סולומון בלנקי – "אני – אדם מאושר"
13. א. בארשאי "מויסיי ואלשה". דיסק למחשב (פועל אם קיימת תוכנה "VLC media player")

רב תודות לאלה שהשתתפו בהכנת הערב ושלכו הזיכרונות. תודה לעוזרי מטעם בית ספר לבמה ע"ש ב. שוקין והתיאטרון "טאגנקה" (מוסקוה), י. גבריליוק (מוסקוה), ב. לוויין (רחובות), חבר מועצת העיר רחובות י. זאיקה ומנהלת מחלקה לקליטת העילייה ב. ברג

תגובות ניתן לשלוח (הכתובת והדואר האלקטרוני ראה בכותרת העמוד) או בטל. 08-9455328

לא מזמן הקהל הרחב של חובבי התיאטרון היהודי ציין את 100-שנה מיום הולדתו של עסקן הדגול בתחום התיאטרון היהודי, תלמידו ועמיתו של סולומון מיכואלס, מויססי בלנקי ז"ל. בתאריך 16.12.10 בעיר רחובות התקיים ערב לזכרו של מ. בלנקי.

הוא היה מנהל בית ספר לבמה ליד התיאטרון של ס. מיכואלס בעיר מוסקוה ולימד מאות ומאות מתלמידיו, שלאחר מכן שיחקו במקומות שונים בעולם.

אחרי שובו מהכלא שבו הוא נכלא אחרי סגירתו של התיאטרון, הוא המשיך ללמד באחד מבתי ספר לבמה המפורסמים בעולם.

עד היום הוא נזכר בברכה בתודעה של השחקנים המובילים ברוסיה. עד היום בעת פגישתם הם מספרים סיפורים עליו וקוראים לו "רבה שלנו". הוא הפך להיות כמורה אגדתי בשביל כמה דורות שחקנים.

הוא גם כן היה פילוסוף וכתב מספר רב ספרים בנושא. מאוד אהב ספרות בשפה יידיש וערך ספרים של שלום עליכם, מנדלה מוכר ספרים ויצחק פרץ.

בשנת 1990 מויסיי בלנקי ואשתו אלשה עלו ארצה והתיישבו בעיר רחובות. בשנת 1996 בלנקי נפטר ונקבר בעירו רחובות.